

Татьяна Гржибовская

ВОРОНИЙ ГЛАЗ

Татьяна Гржибовская

Вороний глаз

«У Никитских ворот»

2026

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Гржибовская Т. В.

Вороний глаз / Т. В. Гржибовская — «У Никитских ворот», 2026

ISBN 978-5-00246-648-1

Молодые супруги отправляются в путешествие в прибалтийский город на ноябрьские праздники. Пара в ожидании рождения малыша, и будущей маме хочется поменять обстановку и зарядиться положительными эмоциями. Хвойный лес, многочисленные озёра окружают бывший городок атомщиков Висагинас, где американцы снимали фильм «Чернобыль». Воспоминания о проведённом в этих местах медовом месяце побуждают героев пройти по осеннему лесу. Неожиданно они оказываются возле незнакомого мрачного озера. Быстро наступившая темнота открывает лабиринты параллельного мира с его обитателями и персонажами. Бессонная ночь и неожиданные испытания становятся своеобразной проверкой чувств молодых людей.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00246-648-1

© Гржибовская Т. В., 2026
© У Никитских ворот, 2026

Содержание

Надежда на утро	6
Вороний глаз	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Татьяна Гржибовская

Вороний глаз

© Гржибовская Т. В., текст, 2026

© Ярюкина П. С., иллюстрации, 2026

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

* * *

Надежда на утро

Повесть Татьяны Гржибовской «Вороний глаз» – пример того, как из простой, ничем не примечательной истории вырастает напряженное повествование. Муж и жена приезжают в Прибалтику, в родные места мужа, и идут погулять в лес. Мы следуем за героями, поначалу испытываем наслаждение от описания природы, от точности слов, выражений, от тонко переданной атмосферы. Дальше лес становится героем и начинает действовать.

Повесть написана от мужского лица. И в этом нет ни капли чего-то напускного или искусственного. Именно такая расстановка точек видения необходима для понимания замысла. Именно женщина здесь должна быть показана глазами мужчины, а не наоборот.

Пара заблудилась в лесу. Они оказались предположительно у озера, которое называется Вороний глаз. И здесь нас поджидает целый коктейль из страхов, мифов, верований, метаний. Появляются странные персонажи. Автор описывает их с большим мастерством. «Рассеянный свет крошечного фонарика, прикрепленного к волосам незнакомки ободком, освещал путь, и вскоре мы оказались на небольшой поляне, где под корнями поваленной ёлки угадывалось подобие пещеры. “Смахивает на медвежью берлогу, однако”, – не поверил я глазам своим».

Литовская мифология имеет тут особый колорит. И внедрение в текст мифов работает на общую задачу. Сами имена имеют звуковое очарование: «– Моё имя Медейна, – пропела обольстительница и провела ладонью по моей шевелюре.

Честно признаюсь, я чуть ожог не получил – такой накал страсти был в этом поглаживании. Однако надо было как-то выкручиваться из этой занятой ситуации». Образ героя создан тонкими чертами. Тут многое работает на парадоксе. Героя соблазняет героиня мифа, а он считает это занятным? Что же будет дальше? Этот вопрос всё жгучее и жгучее занимает читателя. Гржибовская демонстрирует великолепные описания, она погружает нас в образ леса, в его тайную суть, заставляет и дивиться, и восхищаться, и, главное, гадать: неужели это все наяву. Или герой спит?

Гржибовская не предлагает читателю простых ходов. Сны и реальность, мифы и легенды, всё переплетается в странный многомерный клубок. Тут есть и смещённое время, и люди, имеющие аватары животных, и жаркие соблазны. Мы понимаем, что Перкунас – тут главный бог, что персонажи мифа оживают и этому нет объяснений. Повествование от первого лица исключает обман. Что же тогда? Взаимоотношения героя и его жены Алёны, что ждёт ребёнка, развиваются в магической парадигме. Муж страшно беспокоится за жену, но она также преподносит сюрпризы. «– Это озёрный божок! – Алёна уткнулась мне в самое ухо. – Ты думал, ужей мы растревожили, когда шли вокруг озера? Может, и ужей, только один из них – бог этого озера, диедукас, а остальные его подданные.

– А-а-а... – протянул я.

А что ещё я мог сказать?»

Кажется, она чувствует себя в этом лесу совсем не чужой. Какие вкусные Гржибовская дарит нам описания! В какой-то момент жалеешь, что не знал литовскую мифологию раньше. Но тревога за героев всё нарастает. В такой ночи не ждёшь, что всё кончится хорошо. Скорей бы утро! И Гржибовская не обманывает наших ожиданий. Она мастерски проводит нас сквозь ночь, полную чудес и ужасов, оживших героев мифа и озёрной воды, что, неизвестно, исцелит или отравит. Атмосфера всё время сгущается через деталь, которая чаще всего играет роль символа: «Можете представить, как мне это понравилось. Даже не стал спрашивать, кто такие диедукасы. И права была Алёна – крутились мы теперь вокруг неизвестного озера».

Но утро всё-таки наступает. Ноябрьское тяжёлое утро, но оно даёт надежду, что морок пройдет. Вызвать сопереживание даже в таких экзотических обстоятельствах – высокий писательский класс. Гржибовская его демонстрирует. Пробудить интерес к не очень популярной

мифологии, тем более такой сложно относящейся к России страны, как Литва, тоже задача и дерзновенная, и сложная. Тут легко вызвать раздражение. Но Гржибовская даёт образы людей так убедительно, в начале так подробно описывает их житейские коллизии, что мы безоговорочно соглашаемся: действие этой прозы должно происходить именно там, где задумано и описано автором.

Доходит до того, что Алёна, супруга главного героя, собирается просить помощи у мифических существ. Гржибовская достигает эффекта предельной достоверности, и мы начинаем верить, что всё происходящее правда:

– Т-ты можешь смеяться, а я буду п-просить помощи у д-диедукаса, – пролепетала жена.

Пришлось спросить, кто такой этот самый диедукас. Большие для того, чтобы её отвлечь и не слышать воя и хихиканья заговорённого леса.

– Это озёрный божок! – Алёна уткнулась мне в самое ухо. – Ты думал, ужей мы рас-тревожили, когда шли вокруг озера? Может, и ужей, только один из них – бог этого озера, диедукас, а остальные его подданные.

Концовку раскрывать не буду. Она совершенно неожиданная и фееричная. В ней автор показал всю свою изобретательность. И самое основное, в ней есть то ощущение человечности, которого так не хватает сегодняшней жизни и литературе. Рождение ребёнка, продолжение жизни, любовь – мы часто забываем об этом. А что может быть главнее?

*Максим Замиев,
Главный редактор «Литературной газеты»,
Председатель Правления МГО Союза писателей России,
Президент «Академии поэзии», член Совета по развитию гражданского общества и
защите прав человека при Президенте РФ*

Вороний глаз

Действительность – это только то, во что верят...
Греймас Альгирдас Юлиус. «О богах и людях»

Ночь пути – и мы с женой вышли из поезда Москва – Калининград в Вильнюсе. Нас встретило тихое туманное утро начала ноября.

Я вдохнул влажный коктейль из осенних ароматов, окинул взглядом знакомое здание вокзала с высокими арками окон, перрон с немногочисленными пассажирами и дворником, неторопливо убирающим мусор, и подумал, что во времена моего детства здесь было оживлённое и многолюднее. Перед моим поступлением в школу мы из нашего городка атомщиков Висагинаса перебрались в Москву.

Мысли о проигрышах и выигрышах обрётённой тогда независимости Литвы перетекли в философские размышления о том, что «время всё расставит по местам». Я подмигнул жене Алёне:

– Вспомним золотые деньки!

Мы спустились в подземный переход и поспешили на посадку в дизель-поезд до конечной точки нашего маршрута, станции Висагинас. Золотые деньки – это про медовый месяц. Год назад, когда мы поженились, американцы снимали в нашем городе-спутнике Игналинской атомной эпилог мини-сериала «Чернобыль». Работа станции уже была приостановлена, строения превратились в доступные декорации для фильма-катастрофы. Сердце и разум не принимали таких перемен, но окружающая природа радовала переливами осенних красок, ощущением свободы и торжества жизни. Озёра, вобравшие в себя талую воду древних ледников, воздух, пряный от летучих смол хвой, сосновый лес, обладающий притягательной силой. «Здесь хорошо». Невольно вспомнился романс на музыку Сергея Рахманинова. Первый месяц нашей семейной жизни мы провели здесь.

Музыка познакомила и сдружила нас с Алёной. Помните песенку группы «Мираж»? «Музыка нас связала, тайною нашей стала...» Дело в том, что после переезда в Москву меня отдали в школу и в музыкалку одновременно. Терпеть не мог я сольфеджио и списывал у Алёны домашние задания, а если удавалось, контрольные тоже. Зато она уже тогда прощала мне мои слабости. Музыкантом я не стал, зато музыкальные уши пригодились в мединституте, когда учился выслушивать больного методом перкуссии: кладёшь ладонь на участок тела, постукиваешь кончиками пальцев по тыльной стороне ладони и слушаешь; по характеру звука можно много что узнать о состоянии внутренних органов и выявить, например, пневмонию или увеличение печени.

Пригородный красно-серый дизель подошёл к платформе, мы как раз успели купить билеты на сайте перевозчика и запрыгнули в один из трёх вагонов. Поезд тронулся. Как всегда, он никуда не торопился. Мы ехали, а я наблюдал в окно незатейливые пейзажи. Плывущие в тумане сосны с красно-коричневыми стволами покачивали лапами-ветками, будто в знак приветствия. Проступали в молочной взвеси участки тёмных еловых дебрей с поваленными деревьями, закутанными в толстые шубы зелёного кудрявого мха. Пробежали островки разрозненных хуторов с блестящей от влажной мороси разноцветной черепицей на крышах. Покоились убранные рыжие размежёванные поля с расставленными на равном расстоянии друг от друга бочками соломенных тюков. Топорщились шалаши стожков сена. Выстреливали проблески озёрец за кущами оголённых ив.

Налаживалась обычная здесь для первых дней ноября погода, так любимая мною, когда туман становится хозяином положения, а периодически морозящий дождик навеивает романтическое настроение. И целых три дня я мог не думать о работе.

Жена моя выглядела умиротворённо – может быть, потому что её занимала прихваченная в дорогу книжка с литовскими мифами.

Эта поездка отличалась тем, что Алёна, и я вместе с нею, ждали ребёнка. Наступил новый этап в наших отношениях, и, как это часто бывает у женщин на пороге материнства, жену захлёстывали эмоции. Её одинаково раздражали и мои вопросы, и моё молчание. Она то расстраивалась по пустякам, то впадала в радостную эйфорию – так что состояние её можно было охарактеризовать как эмоционально лабильное. А ещё её всё время клонило в сон. В общем, всё как обычно. По профессии я врач. Жене требовалась смена обстановки, чтобы успокоиться и набраться положительных впечатлений, пока её округлости ещё позволяли совершить путешествие. Мне же хотелось переключиться, забыть о работе. Долго не думали, куда отправиться. Решили, ноябрьские праздники проведём на моей малой родине в Литве.

Алёна любит бумажные книжки и терпеть не может читать с планшета. В полупустом вагоне она пристроилась с книжкой напротив меня возле окна и периодически отвлекала меня от созерцания ландшафта, чтобы процитировать какой-нибудь особенно понравившийся ей отрывок. Слушал я вполуха, улавливая имена персонажей литовских преданий: лаума, барздуки, Медейна, Перкунас. И согласно кивал головой, не очень-то вникая в содержание, занятый своими мыслями.

«Мы с тобой становимся чужими, дорогая родина моя», – думал я. Не знаю, кто написал, но на тот момент я так чувствовал. Вспоминал занятную версию о происхождении литовцев Адама Мицкевича – как-то ещё в студенчестве наткнулся на выдержки из его лекций, когда искал стихи. Он считал, что литовцы нездешние, пришли из неведомой земли, откуда-то с востока. Якобы после потопа несколько человек чудом спаслись, прыгая через кости прама-тери, через скалы, то бишь и укрылись в чужих краях, в нынешней Литве, значит. Здесь они породили новое племя и назвали себя литовцами. При этом считают себя старейшим в мире народом и подозревают, что другие народы, их младшие братья, ненавидят их, преследуют и угнетают. Вот такое предание. Сказка сказкой, но что-то в этом есть. Например, стремление к независимости. Тут я вспомнил где-то услышанную фразу, что все проблемы у людей в головах.

Так мы доехали до нашей платформы Висагинас, самой восточной на границе с Беларусью и Латвией. Миновали отделанную сайдингом коробку станции и дальше – по асфальту петляющей дорожки через лес к городу. Витали запахи озёрной воды с отцветшими водорослями, сосновой хвои, прелых листьев. Скоро показались первые дома из красного кирпича. По улице Космоса добрались до стелы с аистом, символом Висагинаса. На табло высвечиваются показатели радиационного фона. Прошли мимо «патриарха» города – ледникового валуна с привинченной памятной медной табличкой, где выбиты слова о том, что здесь будет построен город-спутник атомщиков. Спустились по длинной широкой лестнице к парку возле озера Висагинас, минуя торговый центр «Эжеринас». Я вспомнил, что «эжеринас» на русском будет «заозёрный»... А вот и наша краснокирпичная двенадцатитажка в виде крепости на улице Парко. Здесь нас ждёт квартира моих родителей, не проданная до сих пор – таких квартир здесь много, станцию закрыли, специалисты уехали.

– Как хорошо ты придумал – приехать сюда. Во мне всё поёт, я так рада! – ворковала жена, поджаривая до румяной корочки гренки на сковородке и помешивая можжевелевой ложкой овсянку в кастрюльке. – А куда мы пойдём гулять? Я не хочу сидеть дома, я хочу скорее в лес, бродить по тропинкам! Помнишь наш медовый месяц? Как мы жили в палатке на берегу Трилиписа и еду готовили на костре в котелке? И обедались зонтиками...

– Курятниками, – вставил я и утащил самый золотистый гренок с тарелки.

– Жаль, что мы теперь вроде как гости, – продолжала изливать эмоции Алёна. – Странно, мне здесь уютно, хоть город мне и не родной. Может, потому что здесь все говорят на русском? А ты не хотел бы вернуться? Твоя родина всё же. Работа тебе всегда найдётся, а я бы детей музыке учила, здесь же есть школа искусств.

Так на неё висагинский воздух подействовал.

Я ответил уклончиво:

– Поживём – увидим.

И уселся за стол в ожидании своей порции каши.

А сам подумал: вот разберут станцию, разравняют территорию, утопят в могильниках отработанное ядерное топливо и долгоживущие радиоактивные отходы, разъедутся специалисты и те, кто их обслуживал, и превратится наш Висагинас в город-призрак. Эдакий Карфаген. Всё это уже в процессе. Но жене я это не сказал.

Алёна поставила передо мной тарелку с овсянкой, сделала глубокий вдох и закруглила:

– Вот стану мамой, мы немножко подрастём, и... Как ты думаешь? А вдруг? Но это потом. А сейчас... Куда же мы пойдём? На Белое озеро? К Трилипису? Ты куда хочешь?

– Ну-у... – протянул я, задумавшись на секунду. Всегда впадаю в ступор, когда жена начинает много говорить. – Давай сегодня так далеко не забираться. Мы с дороги, вдруг ты переутомишься. Давай погуляем по набережной возле озера. Если устанешь, можно присесть на лавочку, – предложил я.

– Возле Висагинаса?.. – разочарованно откликнулась она, заваривая в стеклянных кружках чёрный чай в пакетике для себя и зелёный для меня. – Но вот же, оно прямо у нас под окном плещется, – сказала жена, размешав сахар и указывая чайной ложкой на озеро, – мы же исколесили эту набережную вдоль и поперёк. Пойдём лучше в лес. Куда глаза глядят. Как всегда ходили. Везде тропинки, ты же знаешь. Куда-нибудь да приведут. В лесу всегда интересно, – она хитро прищурилась и мило прикусила нижнюю губку, – а то работа да работа. Совсем мы стали серьёзные и скучные. А посидеть и на пенёчке можно.

Я не стал спорить. Зачем? Жену всё равно не переспоришь, а по лесу я и сам соскучился.

– Мобильники брать не будем, всё равно в лесу сеть не ловит, – распорядилась Алёна.

– Да, ты права. Отдохнём от гаджетов. А то ещё разовьётся зависимость... – согласился я с ней, иронизируя.

Мы взяли «Соню» – фотоаппарат, подаренный ещё моему отцу в пору работы в местной больнице, несколько бутербродов и отправились на прогулку.

Когда бродишь по лесу, теряешь ощущение времени. Это приятное, но часто обманчивое состояние. Так случилось в этот раз. Мы петляли по знакомым и не очень тропинкам, радовались стайкам опят на поваленных берёзовых стволах, покрытых фуфайками зелёного мха. Подъезжали с пурпурно-фиолетовых кустиков ещё не осыпавшуюся подвяленную сладкую чернику и ловили кадры на песочном берегу Белого озера. Выглянувшее было к полудню солнце скрылось, небо затянулось пухлыми дымчатыми облаками, лес притих и притаился, готовясь к сумеркам. Пора было возвращаться.

Окрестности Белого – березняк. Грунтовая дорога змеится среди пологих холмов, укрытых длинным ворсом зелёных стеблей кукушкина льна с вкраплениями жёлто-бурых коробочек. Весёлые сосны с краснорыжей корой танцуют на взгорочках. Исхоженные с детства места. Но чем дальше отходили мы от Белого озера, тем окрестности становились менее знакомыми. Через какое-то время грунтовая дорога незаметно растворилась в подлеске, превратилась в еле заметную тропинку, сухая подстилка из хвои сменилась пожухлой влажной травой. Подступили заросли мрачной ольхи с остатками побуревшей скрученной листвы, и багровые листья грустных осин вздрагивали в потоках предвечернего воздуха. По всем признакам недалеко располагался водоём.

– Эх, мобильник не взял, – сказал я с досадой, в очередной раз споткнувшись о кочку из вихрастой осоки. – Вот бы навигатор сейчас включить...

Зря я заговорил о навигаторе.

– Ты думаешь, мы заблудились? – встревожилась Алёна.

– Да ну, что ты, – бросил я небрежно, – просто немного... отклонились от заданного курса. Тропинок уйма, ступили не на ту. До города рукой подать, ты же знаешь. А раз забрели сюда, значит, так и надо, ты же хотела чего-нибудь интересного.

Я разболтался, лишь бы отвлечь Алёну. Не то чтобы я серьёзно беспокоился, но близилась сумерки, ранние в ноябре, и хорошо было бы поскорее вернуться домой. Если бы я был один, никаких проблем, мне в лесу и переночевать не страшно. Но вот жена.

В досаде на себя я огляделся в попытках сориентироваться по сторонам света. Бесполезно. Все деревья и кусты выглядели одинаково бородатыми от лишайников и мхов, что подтверждало чистоту воздуха, и ничто не указывало на юг или север.

И всё же под ногами у нас оставалась пусть полузаросшая, но тропа.

– Давай прибавим шаг, – предложил я, – все тропинки куда-нибудь да выводят. Иди за мной след в след, так будет легче.

– Угу, – кивнула Алёна, в глазах её теплилась надежда. – Только знаешь, не будем шаркать ногами по земле, там живут разные странные существа.

– Хорошо, – ответил я, не придав никакого значения её словам, подумал, что книжка с мифами навевала Алёне такое загадочное настроение. И я с энтузиазмом двинулся вперёд, уверенный, что вот-вот закончатся хмурые дебри и мы выйдем к светлым соснам.

И что же? Заросли осоки стали гуще, кочки выше, показались зелёно-синие сабли листьев рогоза, устремлённые вверх, и сквозь них блеснула вода. Вода была необычайно тёмная.

– Н-да! – вырвалось у меня. – Кажется, мы пришли к очередному озеру. Может, знаешь, к какому? – повернулся я к жене.

Особой радости Алёна не выказала. В распахнутых глазах плескалась растерянность.

– К какому озеру мы пришли? Ты меня спрашиваешь? Откуда ж я могу знать? Это ж ты у нас местный. Здесь озёр больше, чем домов в городке, – говорила она на одном дыхании. – Уж какие я точно знаю – это Трилипис, Швентос, ну, озеро-охладитель для электростанции Друкшай, Белое, конечно, мы ведь оттуда как раз и идём, но там всё больше берёзы да сосны... Ещё есть... – она прикусила нижнюю губу, задумалась. – Слушай, помнишь, нам рассказывали, что чуть в стороне от дороги на Трилипис есть озеро, незаметное для тех, кто не знает этих мест, оно называется так необычно, птичьим именем. М-м-м, сейчас вспомню. – Алёна закрыла глаза и прижала ладони к щекам. – Вспомнила! Вороний глаз! Кто-то говорил, не помню кто, что оно абсолютно круглое, а вода в нём чёрного цвета. И ещё говорили, что никто в нём не купается. Какое-то оно не такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.